

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<http://imonspb.ru>)

Как создается единство братства: возможные препятствия и их преодоление. Архимандрит Елисей (Святая гора Афон)

Доклад игумена монастыря Симонопетра Святой горы Афон архимандрита Елисея на международной научной конференции «Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства» в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русских монахов на Святой горе Афон (Москва, 21-24 сентября 2016 года)

Ваши Высокопреосвященства, Преосвященные владыки, Ваши Высокопреподобия отцы игумены и игумении!

Сегодняшнее собрание святых игуменов и игумений проходит в рамках празднования тысячелетнего пребывания русских монахов на Святой Горе Афон. И, конечно, нельзя себе и представить лучшего способа отпраздновать пребывание нашего возлюбленного русского народа на Афоне, чем собрание стольких игуменов и игумений, являющее наше единство во Христе.

Непредвиденные обстоятельства, связанные с жизнью нашего монастыря и всего Афона, не позволили мне лично присутствовать на собрании, и поэтому мой доклад будет зачитан Его

Высокопреподобием иеромонахом Авраамием, старцем нашей келии в честь св. Модеста.

Тема моего доклада «Как создается единство братства: возможные препятствия и их преодоление» очень актуальна и важна сегодня для правильного развития жизни наших монастырей.

Вначале мне хотелось бы отметить, что для достижения единства требуется подвиг, и что единство необходимо любому сообществу, будь то церковная община или мирская, или государственная организация. В гораздо большей степени единство важно для монашеского братства; от этого зависит освящение и даже спасение братий.

После слова «мама» самое дорогое и любимое слово во всем мире – это «брат». Все люди, всегда и везде, употребляют его с радостью и любовью. Если мы обратимся к этимологии греческого слова «брат» (αδελφός), то увидим, что оно происходит от слова «утроба» (βελφύς) и обозначает людей, рожденных от одной матери, из одной утробы. Именно поэтому единство между братьями является естественной необходимостью для нормальной жизни братства.

Наверное, будет небесполезным отметить, что смысл слова «братство» глубже и важнее, чем слова «киновия, общежитие». Термин «братство» передает глубокое внутреннее единство, при котором мы имеем единое сердце, единую душу и единый дух. Киновия же создает предпосылки и условия для общей жизни монахов. Впрочем, смысл этих слов сводится к единой цели – созиданию единства общего тела братства.

После этих вступительных замечаний мне хотелось бы остановиться на следующих аспектах данной темы:

- прообраз;
- материал для созидания единства;
- препятствия и их преодоление.

Прообраз

Апостол Павел в своем Послании к Ефессянам, желая подчеркнуть единство Церкви, в которой подаются дары Святого Духа, умоляет уверовавших ефесян *«жить достойно Того, Кто призвал вас к новой жизни, то есть Христа. Жить в смирении, кротости и терпении, с любовью снисходить друг другу и стараться сохранять единство, даруемое Духом Святым, в союзе мира. Вы все составляете одно тело, вас соединяет один дух, как одна и надежда ваша, ради которой призвал вас Бог. Один Господь, одна вера, одно крещение... однако каждому из нас дано свое особенное дарование по мере дара Христова»* (см. Еф. 4:1-7). Мы должны подражать в нашей повседневной жизни Тому, Кто есть Глава, то есть Христу. Он соединяет все члены в единое тело, помогает этому телу расти и созидаться в любви.

В толковании на монашеский устав блаженного Августина старец Эмилиан (Вафидис), проигумен монастыря Симонопетра, отмечает, что единство, как главная цель монашеского братства, является прообразом Царства Небесного и непрерывного общения между Христом и Церковью, между душой и Богом.

Так и блаженной памяти архимандрит Георгий (Капсанис), игумен афонского монастыря Григориат, друг и брат по духу старца Эмилиана, незадолго до своей смерти высказывал подобные мысли в своем завещании. В частности, в словах, произнесенных перед братией 2 и 11 февраля 2014 года, ссылаясь на старца Софрония (Сахарова), он подчеркивал важную роль братского единства и сотрудничества в монашеской общине: «Не допускайте разногласий, группировок и партий... всё это пагубно... трудно найти такое братство, которое имело бы

единство, особенно если это братство многочисленно». В конце своей беседы старец обращается к Богу и умоляет Его «да сохранится единство в братстве и после моего исхода из мира сего... потому что прежде всего от этого зависит наше спасение. Если будем иметь любовь между собой, то спасемся. В противном же случае спастись не можем». И затем лаконично и кратко старец завершает: «Братство, имеющее единство, похоже на рай, а страдающее от разделений – уподобляется аду. Отцы, будем подвизаться за сохранение единства!»

Значит, через единство в вере и любви мы истинно познаем таинство Бога Отца и Сына Его, Христа. Именно во Христе сокрыты все сокровища премудрости и ведения.

Следовательно, единство – это общая цель, объединяющая нас, единомыслие и «единонравие», то есть единый ум и единый нрав.

Материал для созидания единства

Однако единства в братстве нельзя достичь при помощи теоретических построений и размышлений. Для того чтобы единое тело братства было построено и возведено на твердом, непоколебимом основании, необходимы соответствующие строительные материалы.

Старец Эмилиан говорит о том, что монастырь представляет собой город, построенный с исключительной продуманностью, где всё устроено наилучшим образом для доброго подвига и достижения единства между Богом и человеком. В этом городе собираются для того, чтобы вести духовную жизнь, возрастая в ней, благодаря подвигу и мистическому зрению Христа.

Каковы же необходимые материалы для созидания единства?

Благословение, слово и пример игумена. Благословение игумена – это сила, удерживающая киновию от распада, уничтожающая собственную волю, преподающая слово Божие и суд Божий, обеспечивающая единство.

Мнение старца служит выражением сознания монашеского братства, но прежде всего, это мнение Самого Бога, поскольку хотя предводитель, игумен, видим, но Руководящий предводителем, Бог – невидим.

Равным образом, слово игумена – это не простое поучение. Внешне оно может казаться таким, но на самом деле оно формирует и возделывает души, подобно хорошему земледельцу. Через слово старца нам передается Сам Христос. Слово умягчает души, так что они становятся способными принять семя евангельское. Слово, возделывая души, истребляет в них терния и волчцы. Оно воспитывает в них дух игумена, единый образ мысли и поведения.

По словам старца Эмилиана, «игумен, становясь образцом для своего словесного стада, беззаветно полагает за овец свою душу, принадлежащую всем. Также и братия гармонично связаны между собой, и каждый член братства понимает и от сердца делает то, что решает, желает и может».

Старец является отправной точкой, главой и главным условием единства. «Если нет игумена», как говорит в другом месте старец Эмилиан, «нет смысла создавать монастырь... поэтому лучше пусть игумен будет чурбаном, чем его не будет совсем».

Старец-игумен является центром нашей иноческой жизни, нашим духовным отцом, который должен быть способным, по словам старца Софрония (Сахарова) к двум вещам: «вдохновлять членов братства и организовать повседневную жизнь».

Очень показателен пример старца Георгия, игумена афонского монастыря Григориат. В своем завещании он пишет: «Отцы, я хочу рассказать вам о нескольких случаях того, как в первые годы мы, благодаря единству нашего братства, не творили своей воли. Мы ее отсекали.

Когда мы ходили куда-то с отцом Андреем, то его везде принимали за игумена, а меня – за послушника, потому что он имел большую седую бороду и почтенный вид. Видя такого старца и молодого монаха рядом с ним, все кланялись отцу Андрею. Он же говорил им: «Нет, я не игумен, вот – игумен», и показывал на меня.

И надо сказать, что и старшие отцы, несмотря на свои человеческие немощи, показывали нам любовь и уважение к нашему сану.

Братство, которое мы нашли в монастыре Григориат, было духовно заброшенным, потому что были трудности с избранием игумена и тому подобное, и отцы жили без всякого руководства. Однако с Божией помощью я смог их объединить, чтобы монастырь стал истинным братством, скрепленным любовью. И я благодарю за это Бога. Между братьями были всяческие недоразумения и непонимание, но я поставил своей целью объединить их. Тогда я сказал им: «Отцы, я объединю вас. По мирским меркам, то, что я делаю, будет в ущерб мне самому, но зато этого требует закон Божий. Я объединю вас, и у вас появится больше сил, потому что между вами будет единство, а со мной вы сможете сделать, что хотите. Я все равно буду творить волю Божию. Пусть я потеряю всякий вес и значение в братстве, только бы братство имело единство и любовь». И, слава Богу, всё пошло хорошо. Старчики, уходившие из этой жизни, уходили довольными и успокоенными, как и последний из преставившихся, отец Николай».

Известно, что монастыри создаются вокруг человека, который подвизается, насколько это возможно, всем своим существом жить по Евангелию. Постепенно к нему приходят другие люди, и образуется монастырь.

Следовательно, как мы сказали выше, учение и пример такого человека становится путеводителем для братства. Поэтому основатели монастырей, духовные отцы, передавали своим братствам уставы, устанавливали законы их жизни, но прежде всего передавали дух, который оживляет букву.

Единство монастыря основано также на **покровительстве, любви и благословении епископа** и, можно сказать, всей Церкви. Местный архиерей должен не только контролировать монастыри, но, что самое главное, защищать их, помогать им жить в единстве. Как говорится в четвертом правиле IV Вселенского собора, «епископу града надлежит иметь о монастырях должное попечение».

Деятельная любовь епископов воодушевляет и поощряет монашеские братства, но она должна быть соединена с признанием того, что монашеская жизнь особенная, что монашество – это духовная сила, противодействующая закону мира сего. Во внутренней же жизни епископы должны давать монастырям свободу.

Старец Эмилиан подчеркивает, что епископы должны наставлять верующих не только в практической и деятельной христианской жизни, но и во внутренней духовной жизни. Помогать монахам они могут и советами, а не одними лишь проверками. И не должны они смотреть на монахов, как на будущих священников и кандидатов в епископы. Мнение и молитва епископа будут иметь для монахов большое значение, способствуя их единству. Под покровом и наблюдением епископа они будут для него самого «слухом, зрением и устами, сердцем и душой», как говорится в Апостольских постановлениях.

Монашество живет внутри Церкви и для Церкви, как сердце или другой член тела, но монашеское братство имеет собственный ритм жизни. Ценность монашества состоит не в деятельности (хотя это не означает, что монашество не приносит пользы миру), но ценность монашества состоит во взыскании Бога.

Частое участие в таинствах, в особенности в таинстве Святого Причащения, а также слушание слова Божия является благородным и бессмертным материалом для единства общего тела братства. Единое братство создается благодаря общему подвигу, общему вкушению таинств и слова Божия. Во время богослужений и таинств глубинное, сокровенное и реальное единство братства подтверждается и закаляется, пожалуй, в гораздо большей степени, чем через любые подвиги и усилия. Центральные прошения Божественной литургии – о единстве веры, и свидетельством этого единства служит целование и всеобщее, в единомыслии исповедание Символа веры. Но и всякое славословие Бога должно осуществляться «единими усты и единым сердцем».

Личный вклад каждого монаха в созидание единства является важным и решающим. Для этого монах должен подвизаться, служить братии и молиться, а также соблюдать все условия монашеского отречения от мира.

Теперь мы вкратце перечислим моменты повседневной жизни монахов.

Монахи изучают и любят веру и догматы, и могут пожертвовать своей жизнью ради веры, однако в вопросах веры они не бегут впереди Церкви, но смиренно оказывают ей послушание, как Матери их спасения. Они избегают духа словопрения и раздражительности, потому что иначе может быть полностью разрушена и уничтожена их духовная жизнь. Кроме того, они добровольно берут благословение у игумена на все практические и духовные дела, а тем самым приносят себя в жертву Богу. Монах может высказать свое мнение, но никогда не настаивает на нем, потому что вся ответственность пред лицом Божиим лежит на игумене и его помощниках.

Каким же образом каждый монах в отдельности может позаботиться о поддержании единства братства и гармоничном развитии монастыря? Такая возможность предоставляется ему каждый день в повседневных ситуациях. Мы перечислим здесь лишь некоторые черты в поведении монаха, пекущегося об общем единстве. Такой монах уважает распорядок дня своих братьев, не беспокоит их в часы отдыха или работы на послушании, избегает ропота при исполнении своего служения, опасается завязывать частную дружбу или составлять группировки внутри монастыря даже под благовидными предложениями, от всего сердца уважает старших и оказывает им братское почтение, не допускает споров и бесполезных толков, отдает все силы ради исполнения своего послушания, стараясь, чтобы оно не рассеивало его, не нарушало тишину и единство, стремится к безмолвному жительству, никогда не говорит о мирском, но только о святом, похвальном и богоприличном. Конечно, самое главное, чтобы всё это монах делал добровольно, в духе смирения, сокрушения, покаяния и радости, и тогда его поведение действительно будет свидетельствовать о единстве братства.

Прекрасно раскрывает эту тему старец Эмилиан в своем Уставе, написанном для женского монастыря «Ормилия»: «Ни одна монахиня не имеет права вмешиваться в дело и служение другой сестры, делать ей замечание или поправлять, а также пользоваться ее орудиями труда. Право на это имеет только игуменья или другое, назначенное ею лицо. Сестры различаются между собой по старшинству. Пришедшие раньше и старшие по возрасту монахини всегда уважаемы... Но это не значит, что им непременно отдается предпочтение в назначении на различные должности. Они воодушевляют сестринство своим примером и ревностью к служению и смирению. Старшие по послушанию сестры заслуживают уважения во всем.

Служения и послушания назначаются игуменией в соответствии с духовным устройением каждой сестры, а также нуждами всего монастыря, так чтобы в сестринстве поддерживалась любовь и единство».

Для созидания единства представляются важными еще две вещи, о которых должен позаботиться каждый монах. Во-первых, необходимо **разорвать связи с миром** и освободиться от многообразной и многосложной мирской информации, потому что всё это пробивает брешу в монастырских стенах и упраздняет неприкосновенность монашеского жительства.

Во-вторых, **не следует интересоваться делами и послушаниями других братьев**, но всецело быть занятым исполнением собственного дела. Таковы первоначальные условия правильного духовного устройства монаха и сохранения мирной и спокойной атмосферы в монастыре.

Пусть не покажется странным, если мы скажем, что единству и сплоченности тела всего братства способствуют искушения и внешние скорби. В самом деле, по словам святых отцов, тот, кто познал истину, не противится встречающимся ему скорбям, он понимает, что они научают человека страху Божию. Господь сказал: *...чтобы вы имели во Мне мир, - и прибавил: - В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16:33). Иными словами, пусть даже у человека бывает много скорбей, напастей и искушений, от демонов ли или от людей, но, если он стяжал мир Христов, он вменяет их ни во что. И еще Господь сказал: *Мир имейте между собою* (Мк. 9:50), потому что тот, кто имеет мир с Богом и ближним, преодолевает всё. Душа пребывает в мире с Богом тогда, когда она всю себя посвятила Ему, а это, в свою очередь, достигается тогда, когда душа пребывает в мире со всеми ближними и терпеливо переносит трудности в отношениях с ними. Преподобный Паисий говорил, что мы не должны искать искушений, но должны принимать их, когда они приходят, потому что искушения смиряют наше естество, укрепляют любовь и содействуют единению и единому сердцу братьев.

Препятствия и их преодоление

На пути создания духа единства в монашеском братстве встречается немало препятствий и затруднений, разногласий и конфликтов. Где именно скрываются эти подводные камни?

Нельзя сказать, чтобы **многочисленность братства** составляла препятствие для единства, но надо отметить, что в этом случае требуется большее внимание и более строгая организация, с тем чтобы соблюсти золотую середину между общежительным устройством и личным характером монашеской жизни, ее семейной атмосферой.

История монашества показывает, что вопрос организации монашеской жизни в разные времена решался по-разному в зависимости от условий, обычаев и возможностей каждой эпохи. При этом задача была одна - сохранить основные принципы, на которых зиждется единство тела Церкви, и сберечь три монашеские добродетели: отречение, послушание и целомудрие. Рассматриваемый вопрос имел непосредственное отношение к открытию новых монастырей. Как замечает отец Софроний (Сахаров), в большинстве случаев монастыри возникали тогда, когда вокруг какого-либо святого человека собирались ученики. Так было с преподобным Антонием, преподобным Афанасием Афонским, преподобным Сергием, и так происходит до сих пор, уже со старцами нашего времени. И это, по мнению отца Софрония, лучше всего, потому что в таком случае монахи, как в древности, так и сейчас, имеют духовную свободу, искреннее послушание тому человеку, которому они доверились, и любовь к братьям, духовно возрастающим вместе с ними в обстановке сугубо монашеской и вместе с тем семейной.

Здесь уместно вспомнить попытки преподобного Пахомия создать так называемые дома, то есть небольшие монашеские семьи, а также упоминание святителя Василия Великого о том, что в каждом монастыре должно быть около двадцати монахов. Вспомним и завещания разных старцев, ограничивающие число монахов в их монастыре определенной цифрой, и создание разных форм монашеских общин на Святой Горе (большие киновии, малые киновии, скиты, келии, исихастерии). Во всем этом видна забота о том, чтобы монашеские семьи восходили к своему первообразу – лику апостолов и первохристианским общинам, которые составляли единое тело и жили, вдохновленные дарованиями Святого Духа, в ожидании скорого пришествия Господня.

Несмотря на все сказанное, мы можем утверждать, что многочисленность братства – это благословение, признак духовного многоплодия и многочадия. Просто необходимо больше трудов, подвигов и молитв, чтобы братство усвоило и сохранило черты подлинного собрания в Духе Святом.

Многопопечительность, обмирщение и неограниченное использование средств связи.

Неотъемлемая, конечно, и важная часть жизнедеятельности монастыря, состоящая в реставрационных работах и благотворительной деятельности, а сверх того, привнесение мирского образа жизни, использование разных предметов быта, избыток информации, бесконтрольное и непосредственное общение с мирянами, не ограниченное правилами подвижничества, – всё это способствует рассеянности и суетности, разрушает монашеское сознание, меняет взгляд на предание, искажает внутреннюю жизнь, губит таинственный и надмирный характер монашеского жительства и в конце концов разбивает единство, расторгает крепкие узы любви и мира, приводит к вражде и раздорам.

Совместная жизнь в «монашеском граде», по словам старца Эмилиана, не преследует мирских идеологических целей, но направлена на обретение духовной жизни, основанной на подвижничестве и таинственном созерцании Бога.

Всякий православный монастырь, чтобы преодолеть это «страшное и лукавое» препятствие, должен каждый день сознательно обращать свои взоры к эсхатологической действительности и предвкушать Божественную благодать. Монастырь существует для того, чтобы явить пример организованной общины, которая имеет решимость, желание и усердие жить с благоговением перед каждым человеком, с ощущением духовной свободы и служить ближним.

Воздержание, трезвение и рассудительность – это лучшее снаряжение, которое помогает братству, опираясь на духовный опыт, сохранить правильные ориентиры и вместе с тем сберечь свое единство.

Особножителство как искажение предания и идеология. Если в монастыре развивается дух особножителства, это может в короткий срок привести к расшатыванию самих устоев монастыря и великому несчастью.

Монахи, как мы уже сказали, безусловно, изучают и любят православное вероучение и предание, но при этом они остерегаются духа словопрения и раздражительности, беспорядка, фанатизма и непримиримости, потому что всё это сокрушает святость, богоприличность и единство киновии и непременно приводит к подрыву устоев монашеской жизни.

Игумен афонского монастыря Григориат Георгий (Капсанис) считает, что вывести из такого состояния может только смирение и примирение, потому что «без святого смирения Христова не может существовать ни умиротворенность, ни единство, ни совместный труд... Пусть старшие и младшие братья трудятся вместе, чтобы славился Бог, Церковь и монашество –

самое важное в нашей жизни».

Старец Эмилиан видит выход в другом, а именно в том, что мы назвали бы «сообразным жительство». Это означает, что мы должны сообразовывать свою жизнь с жизнью своего игумена. Каждый игумен – это особый человек, непохожий на другого, но монаху следует жить так, как учит его его собственный игумен. Духовная жизнь для монаха – это то, чему учит его игумен, что он преподает ему. Ведь игумен – это не рупор, но личность, наделенная волей. Он передает своим ученикам собственный опыт, то, как он стяжал Духа Святого. Ведь и современных старцев мы почитаем, несмотря на то, что они были совершенно разными людьми. Все они подчеркивали, как важно исполнять слово своего старца-игумена и подражать ему. Если я сообразовываю свою жизнь с жизнью игумена, то тем самым я избегаю особножительств и его идеологии, которые, как червь, разъедают единство братства.

Иногда единству братства препятствует то, что общежительный монастырь слишком **приспосабливает свою жизнь к искаженной психологии современного человека, его воспитанию и современным условиям жизни**. Отменять монашеские правила и уставы нельзя, нужно только вникнуть в их дух и найти им правильное применение. Это способствует возрождению монашеской жизни, помогает монахам приобрести общие цели и устремления. Недопустимо устраивать жизнь в монастыре так, чтобы она, по словам старца Эмилиана, превращалась в дорожный каток, который уничтожает характер человека и подавляет его личность. Напротив, жизнь в монастыре должна быть устроена так, чтобы монахи укреплялись и воодушевлялись в любви к подвижническому житию. Обычай, условия и развитие каждого монастыря покажут со временем, насколько и как приспосабливать его жизнь к современным условиям ради того, чтобы братство приносило духовный плод, а жизнь в обители была отрадной.

Прежде всего и главным образом единству монашеского братства препятствует **собственная воля монаха**.

Характер, страсти и особое жительство монахов потрясают и рассекают единое тело братства, нарушают подлинное общение монахов между собой и приводят к обособленности. Такая обособленность выливается в союз монаха не с Богом, а с самим собой и миром. Причина этого кроется в глубинной любви к своему «эго», в себялюбии, из которого вырастает эгоизм со всеми его последствиями.

Подлинное общение монахов друг с другом является условием духовной жизни, и его можно достичь через труд, молчание и в особенности через богослужение. Такое общение делает человека мудрым. Когда он присутствует на богослужении, там же присутствует и Бог, и святые, и вся тварь. Он глубоко чувствует и переживает единство Церковного тела и свое сосуществование и сожитие с другими людьми.

Если монах не хочет терять подлинной связи с Богом и людьми, ему нужно остерегаться того, чтобы завидовать, постоянно высказывать свое мнение, порочить кого-либо, противоречить, жаловаться, отстаивать свои права. Он должен осознавать свою ответственность за всё, что с ним происходит. «Я достоин всего того, что мне приходится терпеть», – говорил один старенький монах.

Даже если монах всегда оправдывает себя, его оправдания бессмысленны, потому что Бог мыслит иначе. Бог смотрит на то, что подумал о тебе другой человек. «О тебе, – говорит старец Эмилиан, – Бог спросит другого, а о другом – тебя».

Также монаху необходимо обращать внимание на свое поведение с ближними, потому что

сохранение некоторой дистанции и молчание, по мысли старца, связывают людей между собой, а частые и продолжительные разговоры, наоборот, разъединяют их.

Когда мы чувствуем себя единым телом с другими, как возлюбленные и честные братья, когда мы не вмешиваемся в жизнь ближнего и он в нашу, тогда мы ощущаем мир, защищенность и свободу. Тогда ближний не делается помехой на нашем пути, мы не боимся его присутствия, а он нашего. Мы спокойно проводим свою жизнь в искренней любви, труде и молитве.

Если же отношения между двумя или большим числом братьев расстроены, то они уже не могут ни молиться, ни прилежать духовному чтению. Бог исчезает из поля зрения того человека, который уничижает ближнего. Слова из Соборного Послания Иоанна Богослова, где сказано, что *не любящий брата своего, как может любить Бога?* (1 Ин. 4:20) совершенно справедливы, потому что человек существо видимое. Если твои отношения с братом испорчены, разве можно говорить о твоей любви к Богу? Если ты не можешь нормально общаться с тем, кого видишь, кто разговаривает с тобой, и с кем говоришь ты, у кого есть сердце, немощи, – сможешь ли ты общаться с Богом? Если ты не в состоянии сострадать ему, как страдает тебе Бог, – сможешь ли ты полюбить Бога? Поэтому все отцы-подвижники считают, что доказательством нашей любви к Богу, основанием и условием нашего соединения с Ним, крепостью нашей духовной жизни является ближний, а именно то, какое место он занимает в нашем сердце, наше умение трудиться и общаться с ним. Всё, что расстраивает наши отношения, необходимо устранить, иначе и наши отношения с Богом непременно нарушатся.

Единство братства и, шире, Церкви – это образ Царства Божия на земле. В единстве воля Божия, Его любовь, Его радость. В очах Божиих весьма ценна забота о созидании такого единства, и можно сказать, Бог Сам многим жертвует во имя единства, содействует, сопереживает и помогает нам в этом деле. Каждое монашеское братство – Божий сотрудник, Божие строение. И игумен, и отцы, и старшие братья получают достойное и щедрое воздаяние за священное дело созидания единства, за стремление к этой святой цели. Единство противостоит сатане, который радуется раздорам, разногласиям и разделением.

Трезвение, ревность о спасении, полное и безраздельное посвящение монахов Богу, отсечение прочих уз и привязанностей, самоотдача и жертвенность в служении другим – всё это орудия, помогающие нам преодолеть препятствия, начертать, сформировать и создать единство тела каждого братства, которое в миниатюре представляет собой тело Христово. Таким образом, мы создаем град будущего века, Горний Иерусалим, нерукотворную обитель нашего вечного упокоения.

Монашеское братство, монашеское общежитие в своей повседневной жизни, будь она легкой или тяжелой, попечительной или беспопечительной, спокойной или порой шумной, – это призвание святое, призвание к отцовскому и материнскому единомыслию. Монашеское братство – это священное собрание монахов вместе с сонмом святых, этих живых заступников и стражей монастыря.

Источник: [Монастырский вестник](#)

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга <http://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27